

— Рехнулся он, что ли! — помрачнел Ян Чэн.

— Кроме того, — продолжал солдат, — весть также передали наверх. Юный глава союза сказал, что дело это крайне серьёзное, и с сегодняшнего дня отправляется в путь, намереваясь лично прибыть сюда для разбирательства.

— Юный глава собирается приехать?! — поразился Ян Чэн. — Глава союза старейшина одобрил это? Разве он не знает, кому поручена оборона Бурного Угла?

— Не может быть, чтобы не знал, — с досадой ответил солдат. — Разве юный глава не находился неподалёку от Заставы Букун? К тому же у него там всё равно делать нечего, вот он и жаловался, что его грандиозным замыслам и талантам негде проявиться, поэтому...

— Поэтому глава союза и позволил ему приехать и развернуться во всю мощь.

Ян Чэн договорил за него, посмотрел в небо, и в его воображении возникло лучистое, пышущее здоровьем лицо с улыбкой. Сколько же людей обманула эта безобидная с виду улыбка! Ян Чэн почувствовал это на собственной шкуре, но что поделаешь, против воли не попрёшь!

— Ладно, раз едет — пусть едет, лишняя пара боеспособных рук в бою не помешает. Но сидеть сложа руки и ждать смерти — не в моём стиле.

В Тяньцэ подготовка к войне велась втайне: командиры при дворе скрывали всё и вся, а сведения об этой партии продовольствия строго засекречивали. И вот теперь мало того что произошла утечка, так еще и большую часть обоза разграбили.

Ян Чэн постучал пальцами по столешнице, и его взгляд резко заледенел:

— Немедленно приступайте к расследованию, я хочу лично посмотреть, кто тут воду мутит!

Привычки, выработанные за годы занятий боевыми искусствами, заставили Е Вэньтао встать спозаранку. Он зачерпнул воды, ополоснул лицо, запрокинул голову и шумно прополоскал рот. В этот момент на крыше под косыми лучами восходящего солнца мелькнула фигура: её сине-чёрные одежды растворялись в утреннем свете, казаясь донельзя призрачными и нереальными.

Тень соскользнула с крыши — это оказался не кто иной, как Тан Уянь.

— Прошлой ночью было беспокойно, — лаконично произнёс Тан Уянь.

— Было небольшое волнение, но его быстро уняли, — Е Вэньтао потянулся и, закончив умываться, окончательно взбодрился. — Меньше некуда.

Тан Уянь нахмурился:

— В этом-то и кроется странность, потому что...

— Да ладно тебе, — Е Вэньтао сделал вид, что его это совершенно не касается, и закинул руку на плечо Тан Уяня. — Пойдём-ка лучше позавтракаем.

Тан Уянь не понял:

— Зачем? Разве нельзя дождаться доставки или поесть в лагере?

— Я вчера проверял: каша из того риса совершенно не пахнет! — счёл себя правым Е Вэньтао.
— В странствиях я могу стерпеть спартанские условия, но если есть выбор лучше, я не стану себя обделять!

Е Вэньтао заглянул ему в лицо:

— Ну что, идём?

Тан Уянь кивнул. Он разделял эту точку зрения: сам-то он был непривередлив, но раз можно поесть нормально, не было нужды довольствоваться малым.

— Давай-ка доберёмся туда с помощью легкости движений! Устроим утреннюю разминку, посмотрим, кто прибудет первым!

— Идет.

Прекрасно зная о превосходстве легкости движений Клана Тан, Е Вэньтао испытывал азарт и желание бросить вызов. Будучи человеком, который жутко не любит проигрывать, он понадеялся на свою глубокую внутреннюю ци и высокое мастерство шага, решив посоревноваться. Фигура Е Вэньтао двигалась стремительно, но кто-то оказался еще быстрее: гигантские механические крылья внезапно распахнулись, и Тан Уянь с резким свистом рассек воздух, взмыв ввысь и скользя по ветру. Его скорость поражала воображение. Е Вэньтао задержал дыхание и бросился в отчаянную погоню.

— Ха... фу...

— Я победил, — в спокойном голосе Тан Уяня, однако, сквозила с трудом скрываемая гордость и торжество.

Техника легкости движений строилась на управлении ци и дыханием, и последний выдох Е

Вэньтао дался ему так тяжело, что он чуть было не задохнулся. Несмотря на это, Тан Уянь всё равно опережал его на добрый десяток шагов. К тому моменту, когда запыхавшийся Е Вэньтао наконец остановился, Тан Уянь уже давно ждал его на месте. Позади раскинулся небольшой рынок с редкими открытыми лавками.

— Ты очень быстр. Мало кто способен не отставать от меня на расстоянии ста метров, — искренне похвалил Тан Уянь. Стоило учесть, что Клан Тан удерживал пальму первенства в преодолении расстояний с помощью искусно сконструированных механических крыльев, и Е Вэньтао проделать такой путь, удерживая дистанцию в пределах ста метров, стоило огромного труда.

Е Вэньтао выровнял дыхание и замахал руками:

— Больше не играем. Пробеги я еще хоть ли или два — точно задохнулся бы от усталости.

Тан Уянь подумал про себя: «Если бы ты так отчаянно не гнался за мной, не устал бы до смерти». И всё же оставлять Е Вэньтао позади и время от времени оглядываться на то, как тот изо всех сил старается не отстать, было по-своему забавно.

Это еще долго веселило Тан Уяня.

Они позавтракали в чайной лавке. Пусть заведение и выглядело крошечным, но в нем, как в известной поговорке, было всё необходимое: заказали три пароварки с шумаи из рыбной кожи, две большие миски каши из свинины с яйцами столетней выварки и два соленых утиных яйца. Подали свежеприготовленные шумаи, и оба с аппетитом принялись за еду.

Е Вэньтао выковырнул желток из соленого утинового яйца — ярко-красный, сочный, так и источающий жир, — при одном взгляде на который разыгрывался аппетит. Заодно он взял другое яйцо и начал чистить его для Тан Уяня, заметив, что тот отчаянно сражается с шумаи и совершенно не имеет свободного времени.

Тан Уянь уставился на желток, оказавшийся в его пиале, перевел взгляд на Е Вэньтао, быстро прожевал зажатый в зубах шумаи, проглотил его и проговорил:

— Спасибо.

— Пустяки, — усмехнувшись, Е Вэньтао указал пальцем себе на уголок рта. — У тебя тут мазнуло.

Тан Уянь тронул губы — и впрямь испачкался в уксусе. Он торопливо вытащил платок, чтобы вытереться, и уже собирался спросить, чисто ли у него на лице, как вдруг заметил странное выражение в глазах Е Вэньтао.

— Э-э...

Внимание Е Вэньтао было приковано к платку, который извлек Тан Уянь. Это был тот самый платок, что Е Вэньтао сунул ему вместе с жареными кроличьими ногами. Белый шёлк с золотой вышитой каемкой и маленькой хрупкой хризантемой — его было трудно не узнать.

Тан Уянь смутился, зажав платок в пальцах и заикаясь:

— Э-э, я вообще-то собирался вернуть его, да нечаянно забыл... М-м, как вернусь, постираю и отдам...

— Ха-ха, не нужно, — отмахнулся Е Вэньтао. — Оставь себе. Платки, что вышивает мне Сяолань, я в основном коллекционирую, но вещи должны служить своей цели, так что пользуйся на здоровье.

— О? Сяолань?

— Угу, моя младшая сестра.

Тан Уянь опешил, с запозданием сообразив, что Е Вэньтао не знал о его знакомстве с Е Сяолань. На самом деле он переспросил вовсе не из любопытства, кто такая эта Сяолань, а потому, что был поражен: Е Сяолань умеет вышивать! Стоило вспомнить боевые навыки этой девчонки в сочетании с ее происхождением из благородной семьи, как рукоделие казалось чем-то совершенно чуждым ее характеру.

Впрочем, хризантема была вышита неплохо, правда, форма у нее оказалась слегка странноватой: лепестки не раскрылись, а образовали круглый, пухлый и забавный бутончик, вот только что означали две черные точки наверху, оставалось загадкой.

— Контур и фон вышивала матушка, а вот этого цыпленка наверху вышила моя сестренка.

— Цыпленка? — Тан Уянь вертел платок в руках, разглядывая его со всех сторон. — Где тут цыплёнок?

— Да вот же он, а ты куда смотришь?

Е Вэньтао указал на желтую хризантему.

Тан Уянь: «...»

Кто-нибудь, объясните мне, неужели это и правда цыплёнок?! С каких пор этот комок похож на

птицу?! Ни одна линия не на месте, ну разве так бывает?! Чтобы кривой-косой комочек оказался цыпленком?! А-а, так эти две черные точки — глаза?

В этот момент Тан Уянь почувствовал себя невероятно сообразительным, раз смог догадаться, что это глаза.

— Мило, правда? Моя сестрица сильна и в науках, и в боевых искусствах: и за работу женскую возьмется, и тумака кому надо отвесит, и в приличный дом показаться не стыдно — ум и красота в одном флаконе!

Тан Уянь не мог судить о достоверности остальных слов Е Вэньтао, но насчет ее ума и красоты еще согласиться мог, однако насчет рукоделия... Тан Уянь с обреченным видом глянул на «цыпленка» на платке: сестрица Сяолань явно была не создана для подобного...

А Е Вэньтао, стоило зайти речи о сестре, сиял так, что у него глаза искрились, а сам он всю жестикулировал, вылитый старший брат-безумец.

Вспомнив, как брат Улэ упоминал Сяо Вань, Тан Уянь, помимо легкой ностальгии по брату Улэ, не преминул мысленно отметить, что все братья, помешанные на младших сестрах, в прошлых жизнях были жалкими ошипанными петухами, которые своими глазами наблюдали, как готовые куриные крылышки улетают прямо в чужие тарелки.

Е Вэньтао продолжал без усталости расписывать достоинства собственной сестры, и казалось, остановить его было невозможно. Тан Уянь бросил невзначай:

— Ладно, а есть ли в твоих глазах хоть что-то, чего твоя сестра не умеет?

Неожиданно лицо Е Вэньтао переменилось. Выражение его стало настолько мрачным, словно он вспомнил что-то ужасное: кожа даже слегка посинела, а голос задрожал от подлинного страха. Тан Уянь никак не ожидал столь бурной реакции — неужели он сболтнул лишнее и задел за живое?

Это действительно было больной темой.

— Ей категорически нельзя подходить к кухонной плите...

Это был сущий... ад на земле... Е Вэньтао чувствовал, как по спине пробегают ледяные мурашки, и мысленно взывал к небесам, не в силах вынести воспоминания о прошлом...

— Что, готовить не умеет? — Тан Уянь вздохнул с облегчением. Экая невидаль.

— Дело давно вышло за рамки понятия умеет или не умеет, это находится за гранью шести

путей перерождения, понимаешь?..

Однажды из-за поданной ею жареной лапши он три дня не мог встать с постели, страдая от жестокой диареи и спазмов в желудке, и даже в те моменты не переставал думать: «Эх, если бы Сяолань не тратила талант на яды, это было бы просто преступлением, до чего же высоки ее способности».

Какое же горькое это было осознание!

— Если не умеет, можно научить. Я готовлю сносно.

Е Вэньтао моргнул:

— Ты умеешь готовить?

— Ага, — кивнул Тан Уянь. — Знаю пару простых блюд.

— О! — Е Вэньтао хлопнул себя по бедру. — Тогда при случае я непременно должен отведать!

— Заметано, — с готовностью отозвался Тан Уянь.

Глядя, как Тан Уянь просит у хозяина еще одну тарелочку уксуса к шумаи, да непременно рисового, Е Вэньтао прищурился. Тан Уянь не привередничал в еде, но обладал утонченным вкусом и к тому же умел готовить. Ай да ледяной айсберг, не скрывается ли в нем заядлый гурман?

Тан Уянь с видимым удовольствием обмакивал шумаи в уксус. Утро выдалось на редкость уютным, и Е Вэньтао невольно улыбнулся: казалось, от одного лишь вида того, с каким аппетитом ест Тан Уянь, он сам насыщался изысканными яствами, хотя палочки даже не брал в руки, а на душе было легко и тепло.

Но вот Е Вэньтао опустил ложку: прекрасные мгновения неизменно пролетают так быстро, и ничья воля не в силах остановить время.

Мир меняется слишком стремительно, и тот, кто сегодня друг, завтра вполне может стать врагом.

— Наелся? Тогда давай возвращаться.

Тан Уянь поднял голову, а Е Вэньтао тем временем вытянул из его рук тот самый платок, аккуратно отер ему уголки губ, после чего сноровисто засунул ткань обратно. Всё произошло

так естественно, что пока ошеломленный Тан Уянь хлопал глазами, его рот уже был вытерт, а платок водворен на место.

Тан Уянь слегка прикусил губу: за ним еще никто и никогда так не ухаживал...

К тому же Е Вэньтао сегодня вел себя как-то ненормально. Или ему показалось?

Дорога обратно в лагерь заняла гораздо больше времени, чем путь туда. Когда они вернулись во двор, перед гостевым домом толпилось множество людей. Лицо стоявшего во главе Ян Чэна было чернее тучи, в руке он сжимал какое-то письмо, а стоявший на коленях солдат трясся от страха, будучи накрепко скручен веревками.

Появление Е Вэньтао не сильно их удивило: он лишь изогнул брови домиком и заговорил прежним беззаботным тоном:

— Ого, как шумно! Что тут стряслось?

— Господин Е, — к нему шагнул Вэнь Шуи. Лицо у него тоже было помрачневшим, но в отличие от Яна Чэна, чья физиономия казалась грозовой тучей, Вэнь Шуи выглядел встревоженным. — В вашей комнате обнаружили письмо. В нем...

Вэнь Шуи замолк, и голос его упал до шепота:

— Излагается план тайного сговора с южными мятежниками...

— Это не мое письмо, — твердо и без тени смущения ответил Е Вэньтао.

— Господин Е! Спасите меня! — внезапно завопил связанный по рукам и ногам солдат, обращаясь к Е Вэньтао.

Танцором шагнув вперед, Е Вэньтао остановился перед ним, даже не взглянув на Ян Чэна:

— Ты еще кто?

— Господин Е! — отчаянно закричал тот. — Я действовал по вашему приказу, вы не можете бросить меня на произвол судьбы и перекинуть мост, а потом сжечь за собой!

— М? Дай-ка угадаю: ты шпион, которого поймали, и именно ты дал на меня показания, приведя их на обыск? И где же нашли письмо?

— В твоём дорожном узле, — ответил Ян Чэн, и его голос звучал по меньшей мере вдвое ниже

обычного.

Е Вэньтао пожал плечами:

— Понятия не имею, когда в моем бауле появилась такая грамота. До чего же искусно ее подкинули.

Е Вэньтао повернулся к нему:

— Ян Чэн, ты мне не веришь?

Ян Чэн нахмурился, с силой сжав руку с письмом так, что побелели костяшки, и сквозь зубы процедил:

— Улики неоспоримы...

— Если Сяо Тао говорит, что нет, значит, нет! Дорогу! — Юнь Цуэй растолкала толпу и встала рядом с Е Вэньтао. — Сяо Тао не из таких людей! Это же чистой воды подстава!

— Я тоже ему верю, — поддержал Вэнь Шуи.

Ян Чэн молчал.

Е Вэньтао в упор смотрел ему в глаза, чеканя каждое слово:

— Ты ведь начал подозревать меня не сегодня.

Ян Чэн вздрогнул и пораженно уставился на Е Вэньтао.

— В твоём взгляде нет удивления, он говорит: «Неужели так оно и есть?». Ян Чэн, — все эмоции на лице Ян Чэна читались для Е Вэньтао как открытая книга. Лицо Е Вэньтао тоже изменилось, он резко взмахнул рукавом: — Только не надо строить из себя чертово разочарование! Это я должен быть разочарован!

— Я с самого начала находил странным: зачем наставнику понадобилось брать меня с собой для доставки оружия? К тому же он никогда не поручал мне дел, связанных с государственными структурами. Это ваш генералы Ли и старейшина о чём-то с ним потолковали, да? Кое-что я уже сопоставил, но до сих пор не пойму: в какой именно момент вы начали меня подозревать, и что такого я сделал?

Ян Чэн глубоко вздохнул, пытаясь взять себя в руки:

— В том тайном послании, которое генерал Ли передал тебе, содержались сведения, не подлежащие разглашению. О них знали лишь единицы, но не прошло и двух суток с тех пор, как письмо оказалось у тебя, как информация утекла. Об этом факте нам стало известно позже.

— И вы даже не подумали сначала заподозрить людей из Тяньцэ?

— Те старые военачальники, пользующиеся всеобщим уважением, никогда бы не опустились до столь низких поступков!

Е Вэньтао горько усмехнулся:

— Выходит, еще до того, как я доставил письмо, вы уже отправили в Скрытый Меч срочное донесение верхом? И о том, что меня подозревают, наставник тоже знал, верно?

— Да. Изначально мы пригласили тебя в эту поездку, чтобы рассеять подозрения, но кто бы мог подумать...

— Ты еще не всё сказал, позволь я дополню. Вы ведь подозревали меня и в связи с людьми в черном, — теми самыми, которые всю дорогу вроде бы преследовали меня, но на самом деле никогда не наносили смертельных ударов, словно я сам разыгрывал этот спектакль. У вас ведь есть соглядатаи, верно? Ха, разве разыграть комедию с причинением вреда самому себе не кажется вам более изощренным ходом?

Е Вэньтао улыбался, но улыбка эта отдавала холодом и бессилием.

Юнь Цуэй с болью в сердце смотрела на него:

— Сяо Тао...

— Хорошо хоть сестрица Цуэй мне верит. И Шуи тоже верит, слава богам, слава богам... — бормотал Е Вэньтао. Он замолчал, перевел взгляд на Ян Чэна и произнес бесстрастно:

— А ты, Ян Чэн?

Ян Чэн слегка опустил веки: ногти уже прокололи ладони, проступая сквозь щелку между сжатыми кулаками капельками крови.

— Ты находишься под серьезным подозрением, между тобой и случившимся есть прямая связь. Пока ты будешь задержан, дело подвергнется дальнейшему расследованию.

— Ян Чэн! — встревожилась Юнь Цуэй. — Ты посмеешь!

Дальнейшее расследование — это как? Относиться к Е Вэньтао как к преступнику, подвергнуть допросам с пристрастием и пыткам? Юнь Цуэй не понаслышке была знакома с жестокостью и беспощадностью следственных застенков Союза Благодетельства, пусть даже дело происходило в его пределах. Разве могла она допустить, чтобы Е Вэньтао перенес такие муки!

Вокруг стояли другие командиры, и кто-то попытался смягчить слова Яна Чэна:

— Госпожа Юнь Цуэй, таковы армейские правила.

— Сяо Тао не военный! — упрямо заявила Юнь Цуэй, уперевшись рогом. В душе она оставалась решительной женщиной, и когда она повысила голос, остальным стало неловко.

Е Вэньтао всё понял, кивнул и отвернулся от Ян Чэна:

— Значит, не веришь. Здесь все твои люди, так что по одному твоему приказу меня скрутят по рукам и ногам.

Ян Чэн неотрывно смотрел на его спину:

— Ты выходил наружу прошлой ночью, чтобы проверить, что происходит?

Пусть волнение и было небольшим, но гостевой дом стоял стена к стене с местом происшествия, и Е Вэньтао никак не мог не знать об этом.

— Нет, лишь смутно расслышал какие-то обрывки бессвязных слов. Я ждал, — Е Вэньтао откинул прядку волос со лба. — Но так и не дождался, пока кто-нибудь придет и всё мне расскажет.

Лицо Ян Чэна дрогнуло.

Было совершенно очевидно, кого именно ждал Е Вэньтао.

Е Вэньтао сделал шаг, по-прежнему стоя к нему спиной:

— По дороге нам представилось множество возможностей, но ты не обмолвился со мной и словом. Думал, что сумел идеально скрыть свои чувства? Ян Чэн, неужели все эти годы нашего общения ничего не стоили?

— Е Вэньтао, я...

Ян Чэн попытался что-то сказать, но Е Вэньтао не стал его слушать. Он подошел к шпиону, рывком поднял его за шиворот — силы в нем было столько, что двое державших лазутчика воинов невольно выпустили того из рук — и холодно бранил:

— Значит, это ты меня оклеветал?

Тон был ровным, в нем не читалось ни гнева, ни радости.

Шпион заглянул в эти застывшие, подобно древним колодцам глаза, почувствовал небывалый холод и подсознательно сглотнул слюну.

Прекрасно, значит, испугался.

С самого начала и до конца Тан Уянь не сводил глаз с Е Вэньтао. Он заметил, как уголки губ Е Вэньтао чуть дрогнули, являя тень горькой усмешки.

Тан Уянь прижал ладонь к груди: почему-то ему стало больно.

Оторвавшегося от земли лазутчика вдруг резко крутанули, и Е Вэньтао с размаху отбросил его далеко за пределы плотного кольца окружения солдат.

— Плохо!19Глава девятнадцатая

— Плохо!

Ян Чэн взмахнул рукой, и солдаты тут же сомкнули ряды, снова устремившись к Е Вэньтао.

— Проваливайте! У вашего господина сегодня скверное настроение, не путайтесь под ногами!

Е Вэньтао вовсе не шутил и не собирался расслабляться: как только он отбросил шпиона, он тут же пришел в движение. Сделав резкий полуоборот в воздухе, он обрушил тяжелый меч оземь, высвободив мощную волну ци и сбив с ног целую группу солдат. Чем глубже была внутренняя энергия, тем безупречнее получался прием Возвращение журавля к одинокой горе. Поднявшаяся туча пыли залетела в глаза бросившимся следом людям, начисто лишив их возможности преследовать Е Вэньтао.

Кто-то из командиров взревел во всю глотку:

— Лучники!

Оказывается, по периметру уже давно залегли лучники. Услышав приказ, они мгновенно

вскинули луки, прицелились и натянули тетиву, приготовившись к стрельбе.

— Стойте! — в ужасе завопил Ян Чэн. — Берите живым, не смейте стрелять!

Вэнь Шуи шумно выдохнул: в конце концов, тот по-прежнему беспокоился о безопасности Е Вэньтао, ведь слепые стрелы не выбирают жертву, и трудно было сказать, куда именно та угодит.

Ян Чэн вскинул копье с красной кистью и рванул вперед. Е Вэньтао даже не обернулся: он просто взметнул тяжелый меч вертикально, в аккурат заблокировав острие копья Ян Чэна, в то время как его вторая рука тоже не праздновала безделья, отбив летевшее в лицо оружие.

— Е Вэньтао, ты что творишь?! — топнул ногой Ян Чэн. — Немедленно остановись! Если тебя и вправду оклеветали, дворец Тяньцэ и Союз Благородства во всем разберутся и дадут тебе честный ответ!

— Генерал Ян, ты по-русски... то есть по-человечески разучился понимать? — Е Вэньтао резко развернулся и рубанул тяжелым мечом с такой внезапной и сокрушительной силой, что Ян Чэн едва удержал в руках оружие — его отбросило назад мощной отдачей.

— Я сказал: не путайтесь под ногами!

Каждое слово сочилось гневом, выговариваясь с предельной четкостью. Ян Чэн, разумеется, всё прекрасно понимал: он видел, что его старый друг действительно взбешен.

Ян Чэн стиснул зубы. С малых лет Е Вэньтао еще никогда не говорил с ним в таком тоне... Они никогда по-настоящему не ссорились: соперничество и состязания — это одно, но сойтись в открытом бою на оружии им предстояло впервые.

На сердце давил не столько гнилой осадок злости, сколько невиданное доселе тягостное чувство, от которого в груди буквально перехватывало дыхание.

— Дзынь!

Арбалетный болт со звенящей нотой намертво вонзился в землю прямо перед носками сапог Ян Чэна, не дойдя до них каких-то два дюйма. Этот выстрел заставил и Е Вэньтао, и Ян Чэна замереть в разгар схватки.

Ян Чэн инстинктивно обернулся. Тан Уянь всё еще застыл в позе только что совершившего выстрел стрелка, удерживая в руках Тяньцзиньский арбалет.

— Генерал, он сбежал!

Воспользовавшись заминкой, Е Вэньтао подхватил валявшегося без чувств шпиона и в мгновение ока скрылся из виду.

Ян Чэн уже собирался что-то сказать, как вдруг позади послышался знакомый треск механических деталей. Опасаясь, что Тан Уянь предпримет еще какие-нибудь действия, Ян Чэн даже не стал оборачиваться: лишь ощутил мощный порыв ветра над макушкой — Тан Уянь распахнул крылья и бросился вдогонку за удаляющимся Е Вэньтао, исчезнув за долю секунды.

...

До чего же шустрые, прямо под стать механическим крыльям Клана Тан. Дружно задрав головы к небу и провожая взглядами превратившиеся в точки силуэты, подумали остальные.

— Чего стоите, разинув рты! — взбеленился Ян Чэн, рывкнув на застывших под углом сорок пять градусов подчиненных. — А ну за мной!

В деле побега Е Вэньтао явно был не в лучшем положении: во-первых, на буксире висел тяжелый груз, а во-вторых, местности он знал куда хуже армейцев, так что вероятность быть пойманным оставалась высокой.

Е Вэньтао не оставалось ничего иного, кроме как устремиться вглубь горных лесов. Местность здесь отличалась сложным рельефом, и поскольку речь шла не о военных маневрах, Е Вэньтао не верил, что Ян Чэн сможет перебросить личный состав целого лагеря, чтобы перекрыть ему все пути. Только углубившись в эти запутанные заросли, можно было надеяться отыскать путь к спасению.

<http://bllate.org/book/21111/2142511>